

Сергей Фомичев

Новое академическое
Полное собрание сочинений
Пушкина в системе
источниковедческих изданий

Работа над академическим Полным собранием сочинений Пушкина идет медленно и трудно. Здесь много причин (материальных, административных, кадровых и пр.). В своем сообщении я остановлюсь только на теоретических и практических аспектах нового академического издания в контексте общей источниковедческой системы пушкиноведения.

«К академическому (научному в более строгом смысле) изданию, — писал в 1977 г. Ю.М. Лотман, — порой предъявляется чуждое ему требование — создать текстологический канон, с которого потом будут перепечатываться массовые издания. Тем самым разница между текстологической подготовкой академического и массового издания сводится к полноте привлечения текстов. Между тем по текстологическим задачам эти типы изданий скорее всего противоположны»¹.

Имеет смысл внимательно обсудить этот тезис, потому что (как это будет показано ниже) впоследствии именно под таким углом зрения оценивался вышедший первый том нового Полного собрания сочинений. Между тем, прежде чем отмечать «чуждые (по собственному определению Ю.М. Лотмана) требования», порой действительно предъявляемые к академическому изданию, необходимо обозначить главное качественное отличие такого Полного собрания сочинений от всех иных изданий.

Основным принципом при подготовке издания академического типа является *задача установления научно апробирован-*

¹ Лотман Ю.М. К проблеме нового академического издания Пушкина // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 1995. С. 369.

ных текстов писателя. В этих целях возможна, конечно, публикация и отдельно какого-либо произведения, примером чему может служить «История Петра» А.С. Пушкина (М.: Стройиздат, 2000. Текст подготовлен В.С. Листовым). Требование *полноты текстов* естественно предъявляется и к академическому Полному собранию сочинений. Ориентированность же академического издания на последующие массовые перепечатки является не фундаментальной, а прикладной задачей, — для науки, впрочем, отнюдь не безразличной.

Сразу же отметим архаичность термина «канон» по отношению к публикуемому тексту. Научное пушкиноведение уже давно к этому термину не прибегает, так как всякое новое фронтальное обследование авторитетных рукописных и первопечатных источников пушкинских текстов показало вариативность тех или иных конкретных опусов и невозможность их фиксации. Но именно такое всестороннее обследование является *первостепенной задачей* академического издания, ибо на базе педантично выверенного корпуса текстов в Полном собрании сочинений впоследствии не только выпускаются так называемые массовые издания, но и строятся все научные концепции творчества того или иного писателя.

Дефинитивный текст произведения устанавливается на основе всестороннего обследования всех известных печатных и рукописных источников, что позволяет в ряде случаев устранить вкравшиеся в прижизненные издания цензурные и корректурные огрехи. Таков, например, прецедент романа в стихах «Евгений Онегин», который при жизни Пушкина первоначально печатался с 1825 по 1832 г. по главам (1-я и 2-я главы были переизданы соответственно в 1829 и 1830 гг.), а в 1833 и 1837 гг. дважды вышел в полном виде. Ни одно из этих изданий не лишено немалого количества прямых опечаток, что проясняется при обращении к сохранившимся черновым и беловым автографам онегинских глав. Б.В. Томашевский, подготовивший в 1937 г. текст романа с полным сводом редакций и вариантов для академического издания, эти огрехи в подавляющем большинстве устранил. Таким образом, ряд строк романа современному читателю известен в несколько ином виде, нежели читателю пушкинского времени. Нарушена ли при этом авторская воля? Конечно же, нет. Приведем лишь несколько иллюстраций на этот счет.

Так, в последнем прижизненном издании романа мы читаем: «Не ты ль с *отравой* и любовью // Слова надежды мне

шепнул» **вместо** «...с *отрадой* и любовью...», «Вся сия *ироическая* строфа не что иное, как тонкая похвала нашим соотечественницам» **вместо** «...*ироническая* строфа...» и т. п.

Это вполне очевидные опечатки.

В иных же случаях Пушкин вынужден был приспособлять текст к цензурным требованиям, печатая: «Портреты *дедов* на стене» **вместо** «*Царей портреты...*», «Она меж делом и досугом // открыла тайну, как супругом // *Единовластно* управлять...» **вместо** «...*самодержавно* управлять...», «*Мужик* судьбу благословил» **вместо** «*И раб...*».

Авторские варианты, к счастью, сохранили автографы поэта.

В последнее время работа Б.В.Томашевского была гневно заклеена М. Шапиром, оцененная в ряде случаев как идеологическое вмешательство в авторскую волю. Цензурное же бдение современный критик прямо оценивает как «социальный фактор культуры, который стоит в одном ряду с литературной критикой, общественным мнением, читательским спросом и т. д.». А потому, по его мнению,

устранение цензурного вмешательства, не санкционированное автором, превращает текстолога в сотрудника оруэловского Министерства правды, ибо не отражает ничего, кроме изменения политической конъюнктуры: явление одной культурной эпохи подправляется с точки зрения другой, из-за чего текст теряет свою историческую достоверность².

Право же, все здесь поставлено с ног на голову.

Для издания академического типа, нацеленного на *окончательный (дефинитивный) текст*, существенное значение имеют также его предварительные *редакции и варианты*, а также *издательская легенда* (особенно в случаях постепенной расшифровки трудного черновика, служащего единственным источником того или иного произведения).

Окончательный (дефинитивный) текст отражает итог авторской работы над ним (так называемую *авторскую волю*).

² Шапир М. Какого Онегина мы читаем? // Новый мир. 2002. № 6. С. 148. Та же статья под другим названием — «„Евгений Онегин“. Проблема аутентичного текста» и с некоторыми дополнительными примечаниями напечатана в «Известиях РАН» (Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 3). См. отклик на замечания М.И. Шапира: Ларионова Е.О., Фомичев С.А. Нечто о «презумпции невиновности» онегинского текста // Новый мир. 2002. № 12.

Поэтому совокупность всех последовательных редакций и вариантов произведения позволяет наглядно представить движение авторского замысла, что не в последнюю очередь является диахронической апробацией окончательного текста. Это составляет самую *трудоемкую часть* подготовки издания.

В комментарии же (в данном случае мы имеем в виду только его текстологический раздел) необходимо не только дать обоснование датировки и охарактеризовать все сохранившиеся рукописные и печатные источники текста, но в особо сложных случаях проследить *издательскую легенду*. Она призвана показать, как менялся текст (который иногда и принимался за *канон*) от одного издания к другому, к каким текстологическим решениям и на основании чего приходили различные исследователи и редакторы. Это значит, что текст должен быть представлен в Полном собрании сочинений не только в окончательной редакции (в основном корпусе), но и в его временной разверстке. Процесс собственно творческой истории произведения документируется в разделе «*Другие редакции и варианты*», издательский процесс (*Легенда*) — в составе комментариев.

В качестве выразительного примера сложной творческой истории пушкинского произведения и вариативности его издательского освоения укажем на поэму «Домик в Коломне», имеющую пять ранних редакций. Ее окончательный текст (шестая, заключительная редакция) был не сразу, но твердо установлен Пушкиным в двух идентичных прижизненных публикациях 1833 и 1835 гг. Однако после того, как П.В. Анненков поместил в своих «Материалах к биографии Пушкина» (1855) четырнадцать строф, дополняющих первопечатный текст по беловому автографу (ПД 915), в изданиях Ефремова (1880), Морозова (1903), Венгерова (1909) эти строфы включались непосредственно в текст поэмы. Лишь в 1922 г. М.Л. Гофман восстановил пушкинский дефинитивный текст и обосновал его в приложенной к изданию статье³.

Соотношение различных редакций произведения является одной из существенных проблем подготовки академического

³ См. об этом в кн.. Фомичев С.А. Ранние редакции поэмы «Домик в Коломне» // Неизданный Пушкин. Вып. 3 СПб.: Нотабене, 2000.

Полного собрания сочинений. Следует иметь в виду, что в ряде случаев ранние редакции имели самостоятельное значение: не были достоянием лишь творческой лаборатории писателя, но и *фактами литературного процесса эпохи*. Таков прецедент ранней редакции поэмы «Руслан и Людмила» (1820), на протяжении восьми лет именно в таком виде (до второго издания поэмы в 1828 г.) активно обсуждавшейся прижизненной критикой. Другой столь же важный случай — михайловская редакция пушкинской пьесы «Комедии о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» (1825), в авторских чтениях знакомой всей литературной элите того времени и вызвавшей ряд литературных рецензий (роман Булгарина, сценическую поэму Хомякова и др.).

Отметим также, что в первом томе нового Полного собрания сочинений редактор В.Э. Вацуру вполне обоснованно в основном корпусе стихотворений 1814–1817 гг. представил их в параллельных редакциях лицейского периода и в позднейших переработках — как свидетельство принципиально разнокачественных этапов творческого пути поэта. Едва ли в следующих томах следует фронтально повторять такой же принцип публикации различных редакций и тем самым как бы оценивать неперемный (в академических изданиях) раздел «Другие редакции и варианты» в качестве факультативного. Но в отдельных, особо сложных случаях две редакции одного произведения следует, вероятно, все же помещать в основном корпусе произведений.

Так обстоит дело и со стихотворением «Деревня». Первая часть его, под заглавием «Уединение», была напечатана Пушкиным в изданиях его стихотворений 1826 и 1829 гг. Сохранился, однако, автограф ранней редакции стихотворения (ПД 881)⁴, включающий острополитическую концовку, начиная со строки «Но мысль ужасная здесь душу омрачает». В томе втором прежнего академического Полного собрания сочинений это произведение было напечатано в контаминированном виде: начало стихотворения приведено по переработанной редакции (изданий 1826 и 1829 гг.), а финал — по автографу с исправлением ряда строк по неавторизованным спискам.

Такая публикация не может быть признана корректной, так как включает в себя разновременные слои текста и содер-

⁴ Рукописный отдел Пушкинского Дома. Ф. 244. Оп.1. № 881. Так же сокращенно будут даваться ссылки на автографы Пушкина и ниже.

жит строки, исправление которых принадлежит, возможно, не автору, а переписчикам. В новом академическом Полном собрании сочинений принято решение представить в основном корпусе два стихотворения: «Деревню» (по единственно сохранившемуся автографу) и «Уединение» (по прижизненным публикациям), а материалы списков и позднейших публикаций отразить в разделе «Другие редакции и варианты», а также в текстологической легенде в составе комментариев.

Следует обратить особое внимание на то, что произведения, включаемые в Полное собрание сочинений (мы не имеем здесь в виду разделы «Dubia» и «Коллективное»), делятся на две разнокачественные группы. К первой из них относятся те, которые имеют твердые, непротиворечивые (порой единственные) источники текстов: прижизненные публикации, беловые автографы, списки, сохранившиеся в единственном числе у приятелей поэта. Ко второй группе принадлежат описки, публикуемые по черновым, не вполне обработанным автографам или же по многочисленным неавторизованным спискам, которые содержат немало разночтений в отдельных строках и фрагментах. Именно тексты второй группы обычно варьируются от издания к изданию, а также постоянно обсуждаются в научных статьях. Это и понятно: в публикациях произведений второй из этих групп (в том числе и в изданиях академического типа) мы зачастую имеем дело с *текстологическими гипотезами* — не более того.

Давать в основном корпусе, под годовыми рубриками, сплошным хронологическим потоком произведения двух этих разнокачественных (по достоверности текстов) групп не следует. Тем более что, как правило, описки второй группы изобилуют при публикации в научной печати прямыми (для зачеркнутых в рукописи слов) и угловыми (для редакторских конъектур) скобками, которые в «массовой» печати опускаются.

Вот тут-то и появляется дурно понятый «канон», где редактор становится фактически чуть ли не соавтором. В качестве яркого (исключительного) примера такого соавторства может послужить стихотворение «Паж, или Пятнадцатый год», впервые напечатанное в томе девятом посмертного Собрания сочинений Пушкина (1841). Здесь В.А. Жуковский превратил не вполне обработанный Пушкиным черновик в прекрасное, законченное произведение, которое потом, обычно без всяких

оговорок, перепечатывалось во всех собраниях пушкинских стихотворений. В академическом издании законное место такого переработанного текста — лишь в составе «Легенды», в антологиях же русской поэзии оно должно печататься как коллективное сочинение Пушкина и Жуковского.

Что же касается всех произведений отмеченной нами выше второй группы, то в годовых рубриках Полного собрания сочинений они должны быть, очевидно, выделены в особый подраздел наряду с «Набросками и отрывками». Попытка такого подразделения стихотворных текстов была предпринята Т.Г. Цявловской в двух пушкинских десятитомниках (т. 1–3), вышедших в издательстве «Художественная литература» в 1970-х гг. Но там в первые («наиболее важные») годовые подрубрики были включены и некоторые произведения, публикуемые по черновым автографам — без обычного «засорения» массового издания квадратными и угловыми скобками.

Важной задачей академического Полного собрания сочинений является обоснованная, по имеющимся источникам, датировка произведений, особенно трудная, как правило, в той части произведений, которые Пушкин при жизни не опубликовал. В этом отношении принципиальное значение имеет исследование истории заполнения его *Рабочих тетрадей*. В отдельных случаях, также в соответствии с такой историей заполнения, корректируются пушкинские печатные датировки произведений.

Так, элегия «Сожженное письмо» во второй части «Стихотворений Александра Пушкина» помещена среди произведений 1825 г. и с тех пор под этим годом и печатается. Между тем белой автограф элегии во Второй масонской тетради (ПД 835), безусловно, относится к декабрю 1824 г. Более сложный случай со стихотворением «Узник» — в цензурной рукописи третьей части своих стихотворений (ПД 420. Л. 83–83 об.) Пушкин поставил под ним помету «Кишинев 1822». Однако сам характер данного перебеленного (с поправками карандашом и чернилами) автографа стихотворения свидетельствует, что окончательная редакция его была создана именно в ходе подготовки издания, то есть в 1832 г. В этой годовой рубрике, вероятно, произведение и должно печататься в современных изданиях с двойной датой «1822. 1832». Ранняя же редакция, черновик которой содержится в Записной книжке (ПД 830),

имеет существенно иной вид, и в кишиневскую пору не осмыслялась, по-видимому, в качестве самостоятельного опуса, а относилась к замыслу поэмы о разбойниках.

Мы не будем в данном сообщении подробно освещать требования, предъявляемые к историко-литературному и реальному комментарию в академическом Полном собрании сочинений. Отметим только, что адресованное подготовленному читателю, такое издание в примечаниях должно быть предельно нагружено отсылками к источниковедческим трудам, репертуар которых в пушкиноведении достаточно обширен, хотя и не может считаться вполне достаточным.

Последнее обстоятельство выдвигает особое требование к процессу подготовки академического Полного собрания сочинений, *которое ни в какой мере не может выступить в качестве единственной базы для изучения творческой биографии поэта и еще менее — орфографических и пунктуационных особенностей его литературного языка.* Однако такие предельные требования в научной печати нередко высказывались.

Процесс подготовки нового академического издания вызвал настоятельную необходимость отвлечения сил и времени немногочисленного коллектива Отдела пушкиноведения Пушкинского Дома на создание параллельных источниковедческих трудов. Это не только статьи текстологического содержания в серийных трудах («Пушкин. Исследования и материалы», «Временник Пушкинской комиссии», «Пушкин и его современники»), но и четырехтомная «Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина» (издательство «Слово»), и два тома («Рисунки Пушкина» и «Рукою Пушкина», 2-е изд.), дополняющее репринтное воспроизведение первого академического Полного собрания сочинений, выпущенного издательством «Воскресение». Это и два (готовятся еще два) тома издания «А.С. Пушкин в прижизненной критике» (Издательство Пушкинского театрального центра). Это и «пробный» первый том Полного собрания сочинений 1994 г., и три выпуска нового серийного издания «Неизданный Пушкин» (издательство «Нотабене»), содержащие подготовительные материалы к новому Полному собранию сочинений, которые требуют широкого научного обсуждения. Это, наконец, факсимильное издание «Рабочие тетради Пушкина» (т. 1–8), выпущенное

Пушкинским Домом и Форумом лидеров бизнеса под эгидой принца Уэльского⁵.

Нет необходимости подробно характеризовать сопричастность перечисленных трудов к Полному собранию сочинений. Стоит, пожалуй, задержаться лишь на факсимильном издании рукописей Пушкина, ибо оно, на наш взгляд, дезавуирует необоснованные претензии к Полному собранию сочинений, громко прозвучавшие в последнее время. Как уже отмечалось в начале нашего сообщения, суть этих претензий была намечена еще в статье Ю.М. Лотмана 1977 г. В качестве основного принципа академического Полного собрания сочинений выдающийся ученый выдвинул следующее требование:

Все черты языка Пушкина, включая и разнобои в написаниях, сохраняются. Высокомерному представлению о «неграмотности» Пушкина или о его «невнимании к языку» противопоставляется мнение, что Пушкин руководствовался соображениями более тонкими и глубокими, чем те, которые может предположить современный исследователь со своими приблизительными знаниями. Издатель не учит Пушкина, а учится у него⁶.

Справедливости ради следует особо подчеркнуть, что эти максимальные требования к орфографической и пунктуационной идентичности воспроизведения пушкинского текста ориентированы Ю.М. Лотманом на соблюдение норм *прижизненных изданий Пушкина, в подготовке которых поэт принимал деятельное участие* (правда, при этом опускается из виду, что сколько-нибудь точных сведений на этот счет не сохранилось). В последнее время требования Ю.М. Лотмана были усугублены другими критиками Полного собрания сочинений.

Откликаясь на пробный том нового Полного собрания сочинений Пушкина, немецкий профессор Вернер Лефельдт в специальной брошюре, перепечатанной на русском языке в журнале «Новое литературное обозрение», обрушился

⁵ Не могу не заметить, что, не принимая во внимание настоятельной необходимости подготовки этих трудов — прежде всего именно для академического Полного собрания сочинений Пушкина, администрация Пушкинского Дома буквально разгромила Отдел пушкиноведения по обвинению в срыве сроков подготовки собрания. Последнее вообще поставило под сомнение завершение Полного собрания сочинений в обозримые сроки.

⁶ *Лотман Ю.М.* Пушкин. С. 372.

на унификацию орфографии и пунктуации пушкинских текстов в соответствии с современными нормами. Заключительный вывод профессора звучит апокалиптическим пророчеством:

Процитированная выше оценка Ю.М. Лотмана, утверждавшего, что по старому академическому изданию нельзя изучать язык Пушкина, относится к пробному тому еще в большей степени <...>. Если все академическое собрание сочинений Пушкина будет оформлено так же, как пробный том, то это станет катастрофой для пушкиноведения. Будем надеяться, что еще не поздно выйти из мрака неосознанных и сознательных заблуждений⁷.

«Мрак заблуждений» тут, по сути дела, окутал самого критика, предъявляющего к современному академическому изданию противоречащие ему по существу требования предельного *буквализма*. В прекрасно аргументированном ответе редактора тома В.Э. Вацуро справедливо подчеркнуто:

Издания, по которому можно было бы изучать орфографию и пунктуацию Пушкина (как, впрочем, и любого другого писателя), не существует. Их можно изучать *только по рукописям*. Изданные сейчас факсимильные воспроизведения рабочих тетрадей Пушкина открывают для этого невиданные раньше возможности⁸.

Но оказывается, атака на новое академическое издание может быть продолжена и при использовании указанного выше факсимильного издания.

Мне просто хотелось бы обсудить, — так обозначается сверхзадача в статье Б. Гаспарова, — что мы можем получить от общения с пушкинским текстом, более тесного, чем то, какое позволяют ныне существующие издания, — получить в качестве читателей, не озабоченных текстологическими и издательскими проблемами, а просто желающих соприкоснуться с пушкинским текстом так, как мы имеем возможность соприкоснуться с текстами Моцарта и Гете по-немецки или Шекспира по-английски⁹.

⁷ *Лефельдт В.* Модернизация текстов Пушкина // НЛО. 1998. № 5. С. 183.

⁸ *Вацуро В.* Еще раз об академическом издании Пушкина (Разбор критических замечаний проф. Вернера Лефельдта) // НЛО. 1999. № 3. С. 255.

⁹ *Гаспаров Б.* Заметки о Пушкине // НЛО. 2001. № 6. С. 115. Отклики на эту статью: *Строганов М.* По поводу статьи Б. Гаспарова «Буква как таковая» // НЛО. 2002. № 4. С. 179–181; *Фомичев С.* Точка, точка, запятая... // Там же. С. 182–186. Возражая своим оппонентам, Б. Гаспаров не нашел

Такую возможность опытному исследователю предоставило *ныне существующее* факсимильное издание «А.С. Пушкин. Рабочие тетради» (СПб.; Лондон, 1995–1997. Т. 1–8), в котором воспроизведено около 2500 страниц пушкинских автографов. Используя его, Б. Гаспаров предпринимает яростную атаку на академическое Полное собрание сочинений Пушкина. Сразу же возникает вопрос: имеются ли подобные издания рукописей Гете и Моцарта, тем более — Шекспира? Таковых нет, а следовательно, Б. Гаспаров с самого начала все-таки озабочен «текстологическими и издательскими проблемами», предполагая, что российские научные издания затрудняют непосредственный контакт читателей с классиками.

Основные претензии Б. Гаспарова предъявляются к нормативной в печатных изданиях расстановке знаков препинания, по необходимости корректирующей пушкинские рукописи.

Можно подумать, — возражает исследователь, — что Пушкин просто пренебрег знаками препинания, полагаясь на типографию <...>. Именно такое понимание, по-видимому, лежит в основе позиции редакторов, выставляющих разделительные знаки везде, где им следует быть, с такой несомненностью, как будто речь идет о школьной диктовке. Такое дидактическое отношение к пунктуации пушкинских рукописей представляется мне принципиально неверным¹⁰.

Можно было бы только приветствовать обращение исследователя к факсимильному изданию, если бы не одна тревожная несообразность. Б. Гаспаров склонен рассматривать его как простую растиражированность пушкинских автографов. Но подготовка *Рабочих тетрадей* к изданию потребовала в Пушкинском Доме многолетних *исследовательских* усилий. Издание *Рабочих тетрадей* Пушкина снабжено научным аппаратом, занимающим целый том, которым Б. Гаспаров на чисто пренебрег¹¹.

ничего лучшего, как обвинить их в идеологической и бюрократической ангажированности. Ср.: «То, что имело характер идеологической и культурной агрессии, шока, насилия (имеется в виду нормативность орфографии и пунктуации в современных изданиях классиков. — С.Ф.), постепенно, за 60 лет, кристаллизовалось в бюрократическую непреложность» (Гаспаров Б. *Questa poi la conoseo pur troppo* // НЛО. 2002. № 4. С. 188).

¹⁰ Гаспаров Б. Заметки о Пушкине. С. 118.

¹¹ Иначе бы он не считал «в Рабочих тетрадях не фигурирующим» (Там же. С. 117) автограф «Памятника», а обнаружил бы его, по алфавитному

Отвлекаясь же от статьи Б. Гаспарова, отметим, что после факсимильного издания *Рабочих тетрадей* появились и другие факсимильные воспроизведения пушкинских рукописей: «Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой» (СПб.: Logos, 1999), автографы «Русалки» (в книге: Возвращение Пушкинской «Русалки». СПб.: Пушкинский театральный центр, 1998) и «Скупого рыцаря» (в книге: Притяжение «Скупого рыцаря». СПб.: Пушкинский театральный центр, 2001).

Ждет издания давно в целом подготовленное факсимильное воспроизведение болдинских рукописей 1830 г. объемом 325 листов, со справочным томом, в котором представлены все пушкинские тексты болдинской поры с текстологическими расшифровками и описанием автографов. Многолетние обращения в различные издательства по этому поводу пока, к сожалению, не увенчались успехом.

Нельзя в данной связи не отметить, что недооценка источниковедческой базы пушкиноведения, дополняющей и в большой степени подкрепляющей новое академическое Полное собрание сочинений, явно просматривается в деятельности Российского гуманитарного фонда, отказавшего в грантах на издание, в частности, коллективному исследованию «Рабочие тетради Пушкина. Истории заполнения», необходимого спутника их факсимильного воспроизведения. Не был предоставлен грант и на осуществление проекта «Наука о Пушкине. Аннотированный библиографический указатель», который мог бы стать продолжением, хотя и в ином жанре, исследования «Пушкин. Итоги и проблемы изучения» (Л.: Наука, 1966). В позиции РГНФ по отношению к указанным проектам мы видим реальное отражение настойчиво звучащих в научной и околонаучной печати обвинений академического пушкиноведения в приземленном позитивизме.

Однако еще раз подчеркнем: без всесторонне разработанного источниковедческого фундамента любая наука (в том числе и наука о Пушкине) успешно развиваться не может.

указателю, в тетради ПД 846. Б. Гаспаров для подтверждения изобретенных им «двух пунктуационных стратегий» Пушкина ссылается на с. 121, на автографы стихотворений «Пробуждение» и «Певец», не подозревая, что это копии, выполненные Илличевским и Пушиным. Воспроизводя на с. 121 особенности автографа стихотворения «Ты вынешь и молчишь...», Б. Гаспаров обозначает его заголовок так: «Изъ Анти <sic>», — тогда как у Пушкина «Из André Ch<é>nier».

**ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ
И ЭДИЦИОННОЙ ПРАКТИКИ
ОПЫТ ФРАНЦУЗСКИХ И РОССИЙСКИХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

Материалы «круглого стола»
22 марта 2002 г.

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН,
ФРАНКО-РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР ОБЩЕСТВЕННЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК,
ФРАНЦУЗСКИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ КОЛЛЕДЖ
В МОСКВЕ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ МИШЕЛЯ ДЕЛОНА
И ЕКАТЕРИНЫ ДМИТРИЕВОЙ

О · Г · И
М О С К В А
2 0 0 3